

Похороните меня за плитусом

Автор:

[Павел Санаев](#)

Похороните меня за плитусом

Павел Санаев

Похороните меня за плитусом #1

Книга, номинированная на Букеровскую премию, буквально взорвала отечественный книжный рынок и обрела не просто культовый, но – легендарный статус!

Повесть, в которой тема взросления будто переворачивается с ног на голову и обретает черты сюрреалистического юмора!

Книга, в которой гомерически смешно и изощренно зло пародируется сама идея счастливого детства.

Чуткий и умный Санаев все правильно понял. Оттого ценность его повести возрастает, и ей гарантировано место в истории русской литературы.

Павел Санаев

Похороните меня за плитусом

Посвящается Ролану Быкову

Меня зовут Савельев Саша. Я учусь во втором классе и живу у бабушки с дедушкой. Мама променяла меня на карлика-кровопийцу и повесила на бабушкину шею тяжелой крестягой. Так я с четырех лет и вишу.

Свою повесть я решил начать с рассказа о купании, и не сомневайтесь, что рассказ этот будет интересным. Купание у бабушки было значительной процедурой, и вы в этом сейчас убедитесь.

Купание

Начиналось все довольно мирно. Ванна, журча, наполнялась водой, в которой плавал пластиковый термометр. Все время купания его красный столбик должен был показывать 37,5. Почему так, не знаю точно. Слышал, что при такой температуре лучше всего размножается одна тропическая водоросль, но на водоросль я был похож мало, а размножаться не собирался. В ванную ставились рефлектор, который дедушка должен был выносить по хлопку бабушки, и два стула, которые накрывались полотенцами. Один предназначался бабушке, другой... не будем забегать вперед.

Итак, ванна наполняется, я предчувствую «веселую» процедуру.

– Саша, в ванную! – зовет бабушка.

– Иду! – бодро кричу я, снимая на ходу рейтузы из стопроцентной шерсти, но путаюсь в них и падаю.

– Что, ноги не держат?!

Я пытаюсь встать, но рейтузы цепляются за что-то, и я падаю вновь.

– Будешь надо мной издеваться, проклятая сволочь?!

– Я не издеваюсь!

– Твоя мать мне когда-то сказала: «Я на нем отыграюсь». Так знай, я вас всех имела в виду, я сама отыграюсь на вас всех. Понял?!

Я смутно понимал, что значит «отыграюсь», и почему-то решил, что бабушка утопит меня в ванне. С этой мыслью я побежал к дедушке. Услышав мое предположение, дедушка засмеялся, но я все-таки попросил его быть настороже. Сделав это, я успокоился и пошел в ванную, будучи уверенным, что если бабушка станет меня топить, то ворвется дедушка с топориком для мяса, я почему-то решил, что ворвется он именно с этим топориком, и бабушкой займется. Потом он позвонит маме, она придет и на ней отыграется. Пока в моей голове бродили такие мысли, бабушка давала дедушке последние указания насчет рефлектора. Его надо было выносить точно по хлопку.

Последние приготовления закончены, дедушка проинструктирован, я лежу в воде, температура которой 37,5, а бабушка сидит рядом и мылит мочалку. Хлопья пены летают вокруг и исчезают в густом паре. В ванной жарко.

– Ну, давай шею.

Я вздрогнул – если будет душить, дедушка, пожалуй, не услышит. Но нет, просто моет...

Вам, наверное, покажется странным, почему я не мылся сам. Дело в том, что такая сволочь, как я, ничего самостоятельно делать не может. Мать эту сволочь бросила, а сволочь постоянно гниет, и купание может обострить все ее сволочные болезни. Так объясняла бабушка, намыливая мочалкой мою поднятую из воды ногу.

– А почему вода такая горячая?

– На градус выше тела, чтобы не остывать.

– Я думал, водоросль.

– Конечно, водоросль! Тощий, зеленый... Не нога, а плетка. Спрячь под воду, пока не остыла. Другую давай... Руки теперь. Выше подними, отсохли, что ли? Встань, пипку вымою.

- Осторожно!

- Не бойся, все равно не понадобится. Развернись, спину потру.

Я развернулся и уткнулся лбом в кафель.

- Не прислоняйся лбом! Камень холодный, гайморит обострится.

- Жарко очень.

- Так надо.

- Почему никому так не надо, а мне надо? - Этот вопрос я задавал бабушке часто.

- Так никто же не гниет так, как ты. Ты же смердишь уже. Чувствуешь?

Я не чувствовал.

Но вот я чистый, надо вылезать. Облегченно вздохнув, я понимаю, что сегодня бабушка меня не утопит, и выбираюсь из ванны. Теперь вы узнаете, для чего нужен был второй стул, - на него вставал я. Стоять на полу было нельзя, потому что холодный сквозняк дул из-под двери, коварно обходя уложенный на его пути валик из старого одеяла, и мог остудить мои ноги. Балансируя, я старался не упасть, а бабушка меня вытирала. Сначала голову. Ее она тут же завязывала полотенцем, чтобы не остыли мокрые волосы. Потом она вытирала все остальное, и я одевался.

Надевая колготки - синие, шерстяные, которые дорого стоят и нигде не достать, - я почувствовал запах гари. Одна колготина доходила лишь до щиколотки. Самая ценная ее часть, та, которая образует носок, увы, догорала на рефлекторе.

- Вонючая, смердячая сволочь! (Мне показалось, что зубы у бабушки лязгнули.) Твоя мать тебе ничего не покупает! Я таскаю все на больных ногах! Надевай, заматаю полотенцем ногу!

Надев колготки до конца, я поднял ногу, пальцы которой торчали из сгоревшей колготины, и вручил ее бабушке. Бабушка принялась накручивать на нее вафельное полотенце наподобие портянки, а я от нечего делать стал изучать себя в зеркале. В ванной было так жарко, что я сделался красным, как индеец. Сходство дополняли полотенце на голове и пена на носу. Засмотревшись на индейца, я забыл, что мы с бабушкой выполняем на шатком стуле почти цирковой номер, потерял равновесие и полетел в ванну.

- Сво-о-оло-очь!!!

Пш-шш!! Бах!!

Тем временем дедушка смотрел футбол. Чу! Его тугое ухо уловило со стороны ванной странный звук.

- Рефлектор надо выносить! - решил он и побежал.

Бежал он быстро и впопыхах схватил рефлектор за горячее место. Пришлось отпустить. Рефлектор описал дугу и упал бабушке на колени. Подумав, что, услышав всплеск, дедушка бросился меня спасать и неудачно отыгрался на бабушке, я хотел было все объяснить, но в ванной уже бушевала стихия.

- Гицель[1 - Я очень любил это слово, но долго не знал, что оно означает. Потом бабушка объяснила, что гицелями называли на Украине собачников, которые длинными крючьями отлавливали на улицах бродячих собак.] проклятый, татарин ненавистный! - кричала бабушка, воинственно потрясая рефлектором и хлопая ладонью другой руки по дымящейся юбке. - Будь ты проклят небом, Богом, землей, птицами, рыбами, людьми, морями, воздухом! - Это было любимое бабушкино проклятие. - Чтоб на твою голову одни несчастья сыпались! Чтоб ты, кроме возмездия, ничего не видел!

Далее комбинация из нескольких слов, в значении которых я разобрался, когда познакомился с пятиклассником Димой Чугуновым.

- Вылезай, сволочь!

Снова комбинация - это уже в мой адрес.

– Будь ты проклят...

Любимое проклятие.

– Чтоб ты жизнь свою в тюрьме кончил...

Комбинация.

– Чтоб ты заживо в больнице сгнил! Чтоб у тебя отсохли: печень, почки, мозг, сердце! Чтоб тебя сожрал стафилококк золотистый!

Комбинация.

– Раздевайся, буду вытирать заново!!!

Неслыханная комбинация!

И снова,

и снова,

и снова...

Утро

– А все равно красная ягода лучше черной! – раздался истошный крик, и я проснулся.

Крик был так ужасен, что я подскочил на кровати и долго озирался в страхе по сторонам, пытаюсь понять его происхождение, пока не догадался, что кричал я сам во сне. Поняв это, я успокоился, оделся и вышел из спальни.

– Чего так рано встал? – удивилась бабушка, стоявшая в дверях кухни с фарфоровым чайником в руках.

– Проснулся.

– Чтоб ты больше никогда уже не проснулся! – Бабушка была явно не в духе. – Мой руки, садись жрать.

Я хорошо вымыл руки, дважды намылив их, и стал вытираться махровым полотенцем с зайчиками. В ванную заглянула бабушка.

– Мой руки снова! Этим полотенцем вытирался вчера этот вонючий старик, а у него грибок на ноге!

Я перемыл руки и окончательно убедился, что бабушка сегодня не в духе. Причиной тому был «вонючий старик», что в переводе с бабушкиного языка обозначало моего дедушку. Дедушка сидел в кухне на табуретке и сосредоточенно ковырял вилкой винегрет из рыночных овощей. Прогневил он бабушку тем, что нашел фарфоровый чайник. Две недели назад бабушка заварила в этом чайнике травяной сбор на основе мать-и-мачехи, поставила его на видное место и по сей день не могла найти – в кухне было такое количество банок, баночек, коробочек и пакетов, что любое видное место пропадало с глаз, стоило отнять руку от поставленного на него предмета. Нашелся чайник на холодильнике в окружении трех пачек чая, банки с гречневой крупой, двух кульков чернослива и сломанного тульского будильника, над звонком которого навсегда замерли медведи-кузнецы с обломанными молотками. Бабушка подняла крышку, нашла в чайнике вместо целебного отвара заплесневелую массу и стала кричать, что в такую же массу дедушка превратил ее некогда блестящий мозг.

– Отличницей была, острословкой, заводилой в любой компании, – сетовала бабушка, вычищая из чайника плесень, – парни обожали. «Где Нинка? Нинка будет?» Во все походы брали, на все слеты... Встретила тугодума – за что, Господи? Превратилась в идиотку.

Я нетерпеливо спросил, когда же бабушка даст мне завтракать, и горько пожалел об этом.

– Вонючая, смердячая, проклятущая, ненавистная сволочь! – заорала бабушка. – Будешь жрать, когда дадут! Холуев нет!

Я вжался в табурет и посмотрел на дедушку – он выронил вилку и поперхнулся винегретом.

– Старцам лакей отказан, – добавила бабушка и вдруг выронила чайник.

От чайника медленно отвалилась ручка. Он тихо и жалобно звякнул, словно прощаясь с жизнью, и распался на несколько частей. Красная крышечка, как будто угадывая, что сейчас произойдет, предусмотрительно укатилась под холодильник и, вероятно удобно там устроившись, удовлетворенно дзинькнула. Я позавидовал крышке, назвав ее про себя пронырой, и со страхом поднял глаза на бабушку... Она плакала.

Не глядя на осколки, бабушка тихо вышла из кухни и легла на кровать. Дедушка пошел ее утешать, я не без опасений последовал его примеру.

– Нин, ты чего? – ласковым голосом спросил дедушка.

– Правда, баба, что, у тебя чайников мало? Мы тебе новый купим, еще лучше, – успокаивал бабушку я.

– Оставьте меня. Дайте мне умереть спокойно.

– Нина, ну что ты вообще! – сказал дедушка и помянул бабушкину мать. – Из-за чайника... Разве можно так?

– Оставь меня, Сенечка... Оставь, я же тебя не трогаю... У меня жизнь разбита, при чем тут чайник... Иди. Возьми сегодняшнюю газетку. Саша, пойдди положи себе каши... Ну ничего! – Бабушкин голос начал вдруг набирать силу. – Ничего! – Тут он совсем окреп, и я попятился. – Вас судьба разобьет так же, как и этот чайник. Вы еще поплачете!

Я пролепетал, что не мы с дедушкой разбили чайник, и оглянулся в поисках поддержки. Но дедушка вовремя смылся за газеткой.

– Молчать! – взревела бабушка. – Вы загадили мой мозг, больной мозг, несчастный мозг! Я из-за вас ничего не помню, ничего не могу найти, у меня все валится из рук! Нельзя гадить человеку в мозг день и ночь!

Прокричав такие слова, бабушка встала с кровати и двинулась на кухню. Я не рискнул идти за ней и хотел остаться в комнате, но властный окрик и обещание сделать из меня двоих, если я сейчас же не подойду, заставили меня повиноваться. По дороге на кухню я размышлял, что было бы неплохо, если бы из меня сделали двоих.

Один из меня мог бы тогда отдыхать от бабушки, а потом они бы с тем, другим, менялись. Но к сожалению, невозможное невыполнимо, и из несбыточных грез я снова перенесся в реальность.

Когда я вернулся к месту трагической гибели чайника, бабушка уже собрала в совок осколки и высыпала их в мусоропровод. Потом она вымыла руки и стала натирать в тарелку рыночные яблоки, которые я должен был есть по утрам. Тут только вернулся дедушка с газеткой. Я посмотрел на него как на дезертира.

Бабушка лихо натирала яблоки, щеки ее зарумянились, как на катке, дедушка посмотрел на нее и залюбовался.

– Видишь, как бабка-то старается. Не для кого-нибудь, для тебя, дурака, – сказал он и снова залюбовался бабушкой.

– Ну чего уставился? – смутилась бабушка, точно гимназистка на первом свидании.

– Так, ничего... – вздохнул дедушка и перевел взгляд на заляпанное окно, по которому в поисках съестного елозила большая муха.

– На. – Бабушка поставила передо мной тарелку тертых яблок. Они выглядели аппетитной светло-зеленой кашцей, когда выходили из-под терки, но тут же коричневели и становились довольно неприглядными.

– Зачем мне каждый день есть эти яблоки? – спросил я.

Дедушка оторвал взгляд от мухи и ответил:

- Как же, дурачок, это нужно. Шлаки вымывает.

- Какие шлаки? - не понял я.

- Разные. Ты спасибо должен говорить, что тебе это дают.

- А зачем натирать?

- Так ты же не жуешь ни черта! - воскликнула бабушка. - Заглатываешь кусками такими, что ничего не усваивается! Ах, Сенечка, о чем ты говоришь, это же такое неблагодарное дерьмо! Сколько сил уходит, и хоть бы не издевался так... Ой, прибей эту муху, она мне на нервы действует!

Дедушка свернул в трубку принесенную газету и точно шлепнул муху. Та упала на подоконник и подняла лапку кверху в назидание, что так случится со всяким, кто будет действовать на нервы бабушке.

- Эх, Нина, а «Спартак»-то вчера проиграл, - сказал вдруг дедушка, глядя в газету, которой только что прибил муху.

- А мне чихать и на твой «Спартак», и на то, что он проиграл! Хоть бы они все сдохли и ты вместе с ними.

Бабушкин взгляд упал на пол, где остались фарфоровые крошки от разбитого чайника, и настроение ее снова ухудшилось.

- Жрите!

Она поставила на стол гречневую кашу и котлеты паровые на сушках. Паровые, потому что жареное - это яд и есть его могут только коблы, которых не расшибешь об дорогу, а на сушках, потому что в хлебе дрожжи и они вызывают в организме брожение.

Дедушка уткнулся в свою тарелку, бормоча что-то про «Спартак», а я с тоской посмотрел на наскучившие мне котлеты и на зеленый панзинорм, который я

должен был принимать по утрам.

- Панзинорм выпил?

Панзинорм мне порядком надоел, и со словами «да, выпил» я попытался затолкнуть его под стоявший на столе кулек с мукой, не заметив, что бабушка у меня за спиной.

- Сво-олочь... Старик больной ездит достает, чтобы ты тянул как-то, а ты переводишь! Хоть бы уважение имел! Разве порядочные люди делают так? Тебе что, не жалко больного старика?

«Больной старик» глубокомысленно сказал:

- Да, - и снова углубился в свою котлету.

- А ты дакай, дакай! Одну сволочь вырастили, теперь другую тянем на горбу. - Под первой сволочью бабушка подразумевала мою маму. - Ты всю жизнь только дакал и уходил таскаться. Сенечка, давай то сделаем, давай это. «Да... Потом...» Потом - на все просьбы одно слово!

Глядя в тарелку, дедушка сосредоточенно жевал котлету.

- Ничего... Горький, говорил, удар судьбы приходит неожиданно. Будет тебе расплата. Предательство безнаказанно не проходит! Самый тяжкий грех - предательство... Капусту принеси мне сегодня, я щи сварю. В «Дары природы» иди, в «Комсомольце» не покупай. Там капуста свиней кормить, а мне ребенку щи варить, не только тебе, борову. Принесешь?

- Да.

- Знаю я твое «да»...

Я доел кашу, сказал бабушке спасибо и вышел из-за стола.

- Хоть бы спасибо сказал! - слышалось вслед.

Прежде чем начать следующий рассказ, мне хотелось бы сделать некоторые пояснения. Уверен, найдутся люди, которые скажут: «Не может бабушка так кричать и ругаться! Такого не бывает! Может быть, она и ругалась, но не так сильно и часто!» Поверьте, даже если это выглядит неправдоподобно, бабушка ругалась именно так, как я написал. Пусть ее ругательства покажутся чрезмерными, пусть лишними, но я слышал их такими, слышал каждый день и почти каждый час. В повести я мог бы, конечно, вдвое сократить их, но сам не узнал бы тогда на страницах свою жизнь, как не узнал бы житель пустыни привычные взгляду барханы, исчезни вдруг из них половина песка. Я и так убираю из бабушкиных выражений все, что не принято печатать. Мама моего приятеля запретила нам общаться, когда я сказал, как назвала меня бабушка за пролитый на стол пакет кефира, а пятиклассник Дима Чугунов долго объяснял мне, почему бабушкины комбинации нельзя говорить при взрослых. Диму я, кстати, научил многим бабушкиным выражениям, и больше всего нравилось ему короткое «тыц-пиздыц», употреблявшееся как ответ на любую просьбу, в которой следовало отказать. Надеюсь, теперь вы верите, что в бабушкиной речи я ничего не преувеличил, и понимаете, что количество ругательств не связано с отсутствием у меня чувства меры, а вызвано желанием как можно точнее показать свою жизнь. Если так, следующий рассказ называется...

Цемент

Рядом с нашим домом была огромная стройка Автодорожного института – МАДИ, – и мы с приятелем очень любили туда ходить. Он ходил туда «лазат», так специфически выговаривал он это слово, а я искал там разные детали, из которых можно было бы что-нибудь изобрести. «Лазали» мы туда часто. Вечером в МАДИ никого не было, и мы могли делать там все что захочется. В МАДИ было множество интересных вещей, и все они принадлежали нам. В МАДИ меня не могла найти бабушка, и, наверное, поэтому она запрещала мне туда ходить. Но как не ходить туда, где можно делать все что захочется и где тебя не могут найти?

В МАДИ я мог бы чувствовать себя совершенно свободно, если бы не одно обстоятельство. Шесть раз в день я должен был принимать гомеопатию, и когда я гулял на улице, бабушка выносила мне ее в коробочке. Если при этом кто-то угощал меня конфетой, бабушка брала ее и, отправляя себе в карман, со вздохом говорила:

– Ему нельзя, у него, эх, другие конфеты. – И всыпала мне в рот порцию гомеопатических шариков.

Как-то, решив всыпать мне в очередной раз кониум, в шутку прозванный нами «лошадиумом», бабушка вышла во двор и не увидела меня.

– Саша! – крикнула она. – Саша!!

Ни звука в ответ.

– Саша!!! – заорала она и двинулась в обход дома, надеясь меня найти.

Найти меня было невозможно. Я был с другом в МАДИ и, сидя на крыше одного из трехэтажных корпусов, размышлял, куда приспособить найденный на чердаке коленчатый вал. Услышав зов бабушки с гомеопатией, я страшно перепугался и в ужасе заметался по крыше, не зная, куда деваться. Не выпить гомеопатию было все равно что самовольно отлучиться с поста. Мой страх передался другу. Он съежился и, с опаской глядя вниз, прошептал:

– А она сюда не влезет?

Со страху я принял его слова всерьез и решил, что пока бабушка действительно не влезла к нам, надо скорее бежать ей навстречу. Мой путь-полет во двор занял минут пять. Все это время бабушка ходила вокруг дома, держа на вытянутой руке коробочку с гомеопатией, и кричала:

– Где ты, скотина?

Будь она в деревне, очевидцы могли бы подумать, что у нее убежала коза, но в городе...

Наконец я влетел во двор. Бабушки нигде не было видно, но по отдаленным крикам я догадался, что она с другой стороны дома. Запыхавшийся друг подбежал ко мне и, еле переводя дух, спросил:

– А лазат еще пойдём?

Я сплюнул и, как человек, знающий, что происходит и чем такие вещи кончаются, веско сказал:

- Отлазились.

- Отлазались... - как бы вдумываясь в смысл этого страшного слова, тихо повторил приятель.

И тут из-за угла вышла бабушка.

- Где ты шлялся? Иди сюда. Пей гомеопатию.

Приятель тут же испарился. Бабушка подошла ко мне... А я потный!

Потеть мне не разрешалось. Это было еще более тяжким преступлением, чем опоздать на прием гомеопатии! Бабушка объясняла, что, потея, человек остывает, теряет сопротивляемость организма, а стафилококк, почуяв это, размножается и вызывает гайморит. Я помнил, что сгнить от гайморита не успею, потому что, если буду потный, бабушка убьет меня раньше, чем проснется стафилококк. Но как я ни сдерживался, на бегу все равно вспотел, и спасти меня теперь ничто не могло.

- Пошли домой, - сказала бабушка, когда я выпил гомеопатию.

В лифте она посмотрела на меня внимательно, изменилась в лице и сняла с моей головы красную шапочку. Волосы были мокрыми. Она опустила руку мне за шиворот и поняла, что я потный.

- Вспотел... Матерь божья, заступница, вспотел, сволочь! Господи, спаси, сохрани! Ну сейчас я тебе, тварь, сделаю козью морду!

Мы вошли в квартиру.

- Снимай все, ну скорей. Рубаху снимай. Весь потный, сволочь, весь...

- О-ой! - протянула она, беря рубашку. - Вся мокрая! Вся насквозь! Завернись в одеяло, сейчас разотру. Где ты был? Отвечай!

– Мы с Борей в МАДИ ходили, – пролепетал я.

– В МАДИ! Ах ты мразь! Я тебе сколько говорила, чтоб ноги твоей там не было?! Этого Борьку об дорогу не расшибешь, он пусть хоть селится там, а ты, тварь гнилая, ты что там делал? Опять гайки подбирал? Чтоб тебе все эти гайки в зад напихали. Ну ничего...

«Ну ничего», как всегда, не предвещало ничего хорошего.

– Слушай меня внимательно. Если ты еще раз пойдешь в МАДИ, я пошлю туда дедушку, а он уважаемый человек, твой дедушка. Он пойдет, даст сторожу десять рублей и скажет: «Увидите здесь мальчика, высохшего такого, в красной шапочке и в сером пальто... убейте его. Вырвите ему руки, ноги, а в зад напихайте гаек». Твоего дедушку уважают, и сторож сделает это. Сделает, понятно?!

Я все понял.

На следующий день, отправляя меня гулять, бабушка приколотла английскими булавками к изнанке моей рубашки два носовых платка. Один на грудь, другой на спину.

– Если вспотеешь опять, рубашка сухая останется, а платки я раз – и выну, – объяснила она. – Выну и удавлю ими, если вспотеешь. Понял?

– Понял.

– И еще. Помнишь, что я тебе про МАДИ сказала? Пойдешь туда опять с этим Борькой – пеняй на себя. Если позовет, откажись. Прояви характер, скажи твердо: «Мне бабушка запретила!» Слабохарактерные кончают жизнь в тюрьме, запомни это и ему передай. Запомнил?

– Запомнил.

– Ну иди.

Не расшибаемый об дорогу Борька ждал меня около подъезда.

- Пошли, - сказал он.

- Куда?

- В МАДИ.

- Пошли.

- Боря, вы куда?! - послышался вдруг голос выглянувшей на балкон бабушки.

- В беседку! - ответил Борька.

- Боренька, не веди его в МАДИ, ладно? У меня есть справка от врача, что я психически больна. Я могу убить, и мне за это ничего не будет. Ты, если в МАДИ пойдете, имей это в виду, хорошо?

- Ага... - ответил Борька.

- Слушай, у нее правда такая справка есть? - спросил он, когда бабушка ушла с балкона.

- Не знаю.

- Может, не пойдём?

- Да пошли! Как она узнает? - завелся я, уверенный, что не вспотею и не выдам себя бабушке. - Мы ненадолго. Полазим немного, и сразу назад.

Перед огромными железными воротами, на ржавчине которых белой масляной краской были намалеваны четыре заветные буквы «МАДИ», я замер. «Он уважаемый человек, твой дедушка... Он пойдет...» - зазвучал у меня в ушах голос бабушки.

- Знаешь, давай лучше в детский сад, - предложил я Борьке.

Детский сад примыкал к МАДИ вплотную, отделялся от него забором с дыркой и по интересу был для нас на втором месте. Вечером он пустовал, и мы тоже считали его своим. Мы могли играть там во что угодно, могли сидеть в маленьких деревянных домиках и забираться на их остроконечные крыши, могли жечь костер и печь в нем принесенную из дома картошку, не боясь, что какой-нибудь прохожий разорит костер и отберет у нас спички. И спички и картошка были припрятаны в одном из домиков с прошлого раза, и чем заняться в детском саду в тот вечер, решилось само собой.

Нашу идиллию прервало появление «больших мальчишек». Так мы называли ребят из циркового училища, которые были лет на пять нас старше и тоже, как и мы, считали детский сад своим. К сожалению, они были отчасти правы. Они могли нас прогнать, мы их нет. Им, например, ничего не стоило расшибить об дорогу Борьку. А мы только могли, отойдя на приличное расстояние, крикнуть им так, чтобы они не услышали, что-нибудь обидное. Борька обзывал их козлами, а я проклинал их небом, Богом и землей. А потом мы удирали и думали: «Как мы их, а! Знай наших!»

Так вот, когда в детском саду появились «большие мальчишки», я вспомнил, что вчера очень неплохо проклял одного из них с балкона, и поэтому лучше всего будет сделать ноги. Мальчишки приближались со стороны калитки, поэтому делать ноги можно было только в МАДИ. Я уже говорил, что забор был с дыркой, вот мы ею и воспользовались. Я еще подумал: «Сторож, может, и не поймает, а эти точно руки вырвут, а вместо гаек используют картошку. Главное, только не вспотеть!»

И вот мальчишки далеко. Мы на стройке МАДИ. Борька убежал вперед, а я заметил на земле сломанную гитару и поднял ее. Мне пришло в голову, что, если влезть на забор, можно здорово подоводить лифтерш с чужого двора. Стараясь не делать слишком быстрых движений, я влез и, потрясая гитарой, закричал лифтершам: «Ай-йя-я!» – потом скорчил рожу, швырнул гитару им под ноги и, отметив про себя, что не вспотел, спрыгнул с забора обратно...

Земля расступилась подо мной обволакивающим ноги холодом и вязкой массой сошлась у пояса. Я понял, что куда-то ввалился. Это оказалась яма, наполненная раствором цемента. Еще оказалось, что сижу я в ней уже не по пояс, а по грудь и выбраться не могу. Первой мыслью было поплыть, но тут я вспомнил, что не умею. Второй – позвать на помощь. Борька был уже далеко, но даже если бы он

был дома, то все равно услышал бы мои жуткие вопли. Он подбежал ко мне и с интересом, перемешанным с ужасом, долго разглядывал мою голову, словно из земли торчащие плечи и судорожно плюхающие по цементу руки.

- Ты чего это, того, да, совсем? - спросил он наконец.

- Совсем... - прохрипел я, отчаянно глотая воздух. Я тонул, и дышать было все труднее.

- А что делать? Может, тебя, того, вытащить? - подал наконец Борька дельное предложение, но тут же провалился сам по колено.

- Ну вот, видишь, что из-за тебя получилось? - вздохнул он. - Теперь дома заругают...

Он выбрался. Попробовал отряхнуть брюки - бесполезно.

- Видал, как испачкался! - сказал он, продолжая отряхиваться, но заметил, что цемент уже подступает к моей шее, и задумался.

- Знаешь, я тебя, пожалуй, вытащу, - решил он наконец и пошел за палкой.

Он тащил меня, как в кино партизаны тащат друг друга из болота. Мертвой хваткой вцепился я в протянутую Борькой доску, и через пару минут мы уже медленно брели к дому. Когда мы перевалились через забор в детский сад (так были потрясены, что даже дыркой не воспользовались!), то наткнулись прямо на тех самых мальчишек. Они доедали нашу картошку и оживленно обсуждали, чья бы она могла быть. Завидев нас, они, конечно, покатались со смеху, но мне было все равно. Впереди меня ждала бабушка.

Вот и наш двор. Цемент, который облепил меня, весил килограммов десять, поэтому походка у меня была, как у космонавта на какой-нибудь большой планете, например на Юпитере. На Борьке цемента было поменьше, он был космонавтом на Сатурне.

Лифтерши, сидевшие у подъезда, пришли от нашего вида в восторг.

- Ой! - кричали они. - Вот вывалялись-то, свиньи!

- А кто это, разобрать не могу!

- Это вон савельевский идиот, а это Нечаев из двадцать первой.

Почему я идиот, я знал уже тогда. У меня в мозгу сидел золотистый стафилококк. Он ел мой мозг и гадил туда. Знали это и лифтерши. Они знали от бабушки. Вот, например, ищет она меня с гомеопатией, спрашивает у лифтерши:

- Вы моего идиота не видели?

- Ну почему идиота... На вид он довольно смысленый.

- Это только на вид! Ему стафилококк давно уже весь мозг выел.

- А что это такое, извините?

- Микроб такой страшный.

- Бедный мальчик! А это лечится?

- У нормальных людей да. А ему нельзя ни антибиотиков, ни сульфаниламидов.

- Но за последнее время он вроде вырос...

- Вырос-то вырос, но когда я его в ванной раздеваю, мне делается дурно - одни кости.

- И еще ко всему и идиот?

- Полный! - с уверенностью восклицает бабушка, и чувство гордости за внука переполняет ее - второго такого нет ни у кого.

Так вот, когда савельевский идиот добрался наконец до дома и дрожащей рукой позвонил в дверь, оказалось, что бабушка куда-то ушла. Ключей у меня, конечно,

не было – идиотам их доверять нельзя, – поэтому пришлось пойти к Борьке. Его мама помогла мне раздеться. Минут пять мы стаскивали пальто и столько же брюки. Ботинки, когда я снимал их, протяжно чавкнули. Варежки на резинках грузно болтались из рукавов – в них тоже был цемент. В цементе были даже подколотые бабушкой носовые платки. Я влез в ванну, отмылся. Дали мне Борину рубашку, Борины колготки. А Боря был раза в полтора меня крупнее, а колготки были ему велики. В общем, завязал я их под мышками и пошел с Борей играть. Сидим играем. Лопаем бананы. Звонок в дверь. Его мама пошла открывать.

– Вика, эта сволочь у вас?

Я похолодел и съежился внутри колготок.

– Вика, где он? Мне сказали, он пошел к вам.

– Нина Антоновна, не волнуйтесь. Все отмоем. Я дала ему Борины колготки, они сидят играют.

– Дайте его сюда.

– Нина, ты его ко мне не подпускай, я его убью! – слышался голос бабушки.

– Иди отсюда, гицель, иди!

Бабушка нашла меня, намотала колготки на руку и потащила домой.

– Ну, детка, пойдем со мной. Сейчас мы с тобой пойдем в МАДИ. Ты же любишь ходить в МАДИ? Вот мы туда и пойдем. К сторожу. Хочешь к сторожу? Сейчас... Знаешь, какой там сторож? Дедушка уже был у него. А сейчас я тебя к нему отведу. Он тебя утопит, гада, в этом цементе. Ой, скотина, все пальто изгваздал, душу бы тебе так изгваздали! Все ботинки! А брюки! Я тебе говорила, чтоб ноги твоей там не было? Говорила? Опять с этим коблом пошел? Все изгваздал... Чтоб у тебя этот цемент лился из ушей и из носа! Чтоб тебе им глаза навеки залепило! Знай, жизнь свою кончишь в тюрьме. У тебя же уголовные наклонности. Костер разжечь, на стройку залезть... И к этому ты – тварь слабохарактерная. Учиться не хочешь, хочешь только вкусно жрать, гулять и

смотреть телевизор. Так я тебе погуляю! Месяц из дому не выйдешь! Все хочешь доказать: «Я такой, как все, я такой, как все». А ты не такой! Если выполз на улицу, должен пройтись спокойно, сесть, почитать... Ну, ты у меня вступишь в пионеры! Я пойду в школу к директору и скажу, как ты надо мной издеваешься.

- Нина, ты его только ко мне не подпускай, я его убью! - снова подал голос дедушка.

- И убей! Такой твари незачем жить, только другим жизнь отравлять будет. Жаль, он совсем в этом цементе не утонул, отмучились бы все.

- Только ко мне не подпускай!

«Да, - подумал я, - в ближайшее время в МАДИ лучше не ходить».

Белый потолок

В школу я ходил очень редко. В месяц раз семь, иногда десять. Самое большое - я отходил подряд три недели и запомнил это время как череду одинаковых незапоминающихся дней. Не успевал я прийти домой, пообедать и сделать уроки, как по телевизору уже заканчивалась программа «Время» и надо было ложиться спать.

Ложиться спать я не любил. Обычно, если не требовалось рано вставать, бабушка разрешала мне смотреть с ней после программы «Время» фильм. Она почесывала натертые резинками салатových трико места, я хрустел хлебными палочками, мы лежали на дедушкином диване и глядели в экран. Фильмы были, как правило, скучные, но дожидаться в постели сна было еще скучнее, и я смотрел все подряд.

Как-то раз мы смотрели фильм про любовь.

- Что ты смотришь? Что ты можешь тут понять? - спросила бабушка.

Я решил что-нибудь загнуть и ответил:

– Все понимаю. Оборвалася ниточка любви.

Говоря эту фразу, я знал, что «выдаю», но не ожидал, что бабушка расплачется от умиления и целую неделю будет пересказывать потом мои слова знакомым: «Думала, дурачок маленький, зря пялится, а он двумя словами суть выразил. “Оборвалася ниточка любви”. Надо же так...»

С тех пор бабушка разрешала мне смотреть допоздна даже двухсерийные фильмы, но выражать двумя словами суть я больше не решался. Я все время ходил у бабушки в идиотах, знал, как трудно отличиться и произвести на нее хорошее впечатление, и, раз произведя его, старался не высовываться, чтобы оно подольше сохранилось.

Когда надо было идти в школу, смотреть вечерние фильмы бабушка не разрешала, и сразу после программы «Время» я отправлялся спать. Я лежал один в темной комнате, прислушивался к отдаленному бормотанию телевизора и ворочался от скуки, завидуя бабушке с дедушкой, которые ложились спать, когда им захочется. К счастью, школа, как я уже сказал, была редким событием, и рано ложиться приходилось нечасто.

Причин, по которым я пропускал занятия, было много, и все уважительные. Во-первых, я постоянно болел. Во-вторых, мама, наивно думавшая, что я буду жить с ней, записала меня в школу около своего дома, а дедушка, возивший меня учиться туда и обратно на машине, уезжал иногда под бабушкины проклятия по своим делам. Тогда нам приходилось добираться семь остановок на метро, и на такой подвиг бабушка решалась только в случае контрольной. Наконец, в-третьих, мы могли поехать куда-нибудь с утра на анализ, и эта причина была самой весомой.

Анализом, исследований и консультаций проводилось множество. У меня брали кровь из вены и из пальца, делали пробы на аллергию и снимали кардиограммы, смотрели ультразвуком почки и велели дышать в хитроумный аппарат, выписывающий подобные кардиограмме кривые. Все результаты бабушка показывала профессорам.

Профессор из Института иммунологии просмотрел пачку анализов и сказал, что у меня, должно быть, муковисцидоз. С болезнью этой долго не живут, и на всякий случай он посоветовал сделать еще специальное исследование в

Институте педиатрии. Муковисцидоза у меня не оказалось, но в Институте педиатрии мне заодно измерили внутричерепное давление, нашли его повышенным, и это подтвердило диагноз «идиот», давно поставленный бабушкой.

В том, что я идиот, бабушка не раз убеждалась, когда я делал уроки. Я уже объяснил, почему не ходил в школу, и теперь расскажу, как выглядела моя учеба. Каждый день бабушка звонила отличнице Светочке Савцовой и узнавала у нее не только домашнее задание, но и все упражнения, которые ребята делали в классе. У меня даже было две тетради по каждому предмету – «классная» и «домашняя». В обеих я писал дома, но в «классной» до последней буквы было то же, что у сидевшей на уроках Светочки. Если в классе писали диктант, Светочка диктовала его бабушке, бабушка диктовала потом мне. Если было сочинение, я его сочинял. Если на уроке рисования рисовали молоток, я под присмотром бабушки рисовал его тоже.

Когда я болел и лежал с температурой, то заданий какое-то время не делал, но потом, чуть поправившись, должен был все наверстать. Поэтому мне часто приходилось выполнять задания за несколько дней. Но пока я успевал сделать классную и домашнюю математику за понедельник, вторник и среду, появлялась математика за четверг и пятницу. Я писал диктант, проведенный в классе во вторник, и догонял домашний русский вплоть до четверга, но была уже пятница, и к русскому классному за среду добавлялось изложение. Если болел я долго, то наверстывать задания приходилось по две недели, а потом еще неделю догонять те, что были заданы, пока я наверстывал предыдущие.

Занимался я за маленькой складной партой, которую дедушка специально ездил получать на склад магазина «Дом игрушки». Бабушка записывала уроки на листах картона и ставила их передо мной. Я с ужасом глядел на картонки с уроками за 15-е, 16-е и 17-е, а бабушка узнавала в это время, что задали с 18-го по 22-е.

– «Дядя Ваня – коммунист». «Красно яблоко в саду». «Наш паровоз мы сделали сами», – выкрикивала Светочка предложения, которые писала в классе.

– «Дядя Ваня...», так. «Красно яблоко...» Пиши, сволочь, не отвлекайся! (Это мне.) Так, что паровоз? – записывала бабушка, лежа на кровати и прижимая плечом к уху телефонную трубку. – Спасибо, Светочка. Теперь за двадцать первое продиктуй, пожалуйста. «Пионеры шли стройными рядами...» Так...

«Дядя Яша зарядил винтовку...»

Продиктовав бабушке классные и домашние задания за несколько дней, Светочка, учившаяся в музыкальной школе, играла ей потом на скрипке свои собственные этюды. Глаза бабушки увлажнились, она кидала на меня презрительные взгляды и, протягивая трубку, говорила:

- На, послушай, вот ребенок-то золотой. Счастье такого иметь.

Послушать Светочку она предлагала неоднократно, но послушал я только один раз. Потом вернул трубку бабушке и сказал:

- Ну и что? Скрипит, как дверь, подумаешь.

- Дверь?! Чтоб ты, сволочь, скрипел, как дверь! Она играет на скрипке! Девочка учится в музыкальной школе. Она умница, а ты - кретин и дерьма ее не стоишь!

С последним замечанием, которое было таким обидным, что в школе мне не раз хотелось столкнуть Светочку с лестницы, бабушка сунула мне под нос картонку с новыми уроками, пообещала, что если я сделаю ошибку, то она меня так ошибет, что люди будут ошибаться, принимая меня за человека, а после этой угрозы легла обратно на кровать и два часа разговаривала со Светочкиной мамой.

- Ой, что вы, - говорила бабушка, - ваша Света здоровая девочка по сравнению с этой падалью! У него золотистый патогенный стафилококк, пристеночный гайморит, синусит, франтит... Тонзиллит хронический. Когда я его в ванной раздеваю, мне от его мощей делается дурно... Нет, что вы, в какой бассейн! Да где уж там перерастет! Бывает, перерастают, но не такие, как он. Ну, Света ваша здоровая девочка, она-то перерастет, конечно! Что у нее? Диатез на шоколадку? А поджелудочную железу вы ей не проверяли? У него она увеличена. А к этому и печень больна, и почечная недостаточность и ферментативная... Панкреатит у него с рождения... Есть мудрая поговорка, Вера Петровна: за грехи родителей расплачиваются дети. Он расплачивается за свою мать-потаскуху. Первый муж, Сашин отец, ее бросил, и правильно сделал. Не знал только, что ей гормон в голову так стукнет, что забудет все на свете. Нашла себе в Сочи усладу - алкаша с манией величия, пестует его непризнанный гений. Ребенка бросила мне на шею. Пять лет с ним маюсь, а она только раз в

месяц припрется, ляжет на диван и еще жрать просит. А у меня все продукты с рынка для калеки ее, самой иногда есть нечего, одним творогом перебиваюсь. Ой... Это она заиграла? Солнце, зайнька, как играет! Она будет великим скрипачом у вас! Тьфу-тьфу-тьфу, стучу по дереву... Извините, у меня борщ горит, я побежала. Всего хорошего. Желаю вам здоровья побольше, только здоровья, остальное будет. Светочке привет, умница, из нее будет толк. До свидания...

- Надо же так забить мозг! - сказала бабушка, положив трубку. - Заговорит так, что не отвяжешься. Ну, что ты написал? «Наш паровоз мы зделали сами...» Идиот! Сволочь! Чтоб тебя переехал паровоз, который они зделали! Давай бритву!

Я дал бабушке бритву, которая была важнейшим предметом в моих занятиях и всегда лежала под рукой. Чтобы тетрадь была без помарок, бабушка не разрешала ничего зачеркивать, а вместо этого выскребала ошибочные буквы бритвенным лезвием, после чего я аккуратно исправлял их.

- Какой подлец, а... - приговаривала бабушка, принимаясь выскребать букву «з», но почему-то в слове «паровоз». - Из-под палки учишься.

- Ты не там выскребаешь, - сказал я.

- Я тебя сейчас выскребу! - крикнула бабушка и помахала бритвой у меня под носом. - Забил мозг, конечно, не там выскребаю!

Она выскребла там, где надо, я исправил ошибку, и бабушка стала проверять дальше.

- «На дравнях выбирает путь!» Вот ведь кретин! Второй год на бритвах учишься. Чтоб тебе все эти бритвы в горло всадили! На, пиши, исправила. Еще раз ошибешься, я из тебя «дравни» сделаю. - И бабушка снова сунула мне под нос тетрадь.

Я стал писать дальше. Бабушка легла на кровать и взяла «Науку и жизнь». Изредка она поглядывала на меня, стараясь понять, не пора ли ей снова брать бритву и делать из меня «дравни».

Я писал, с тоской глядя на длинный столбец предложений, и вспоминал, как пару дней назад написал, что «хороша дорога прямая». Бабушка выскребла ошибочную «и», я вписал в пустое место букву «е», но оказалось, что «прямая дорога» тоже не годится. Желая, чтоб дорога мне была одна – в могилу, бабушка принялась скрести на том же месте, проскребла лист насквозь и заставила меня переписывать всю тетрадь заново. Хорошо еще, я недавно ее начал.

Тут я поймал себя на том, что в предложении про солнце вывожу один и тот же слог второй раз. Получилось, что солнце восходит, освещая все «румяняной» зарей. Увидев содеянное, я съежился за партой, затравленно глянул на бабушку и встретился с ее пристальным взглядом. Поняв, что она заподозрила неладное, я решил спастись бегством, встал и со словами: «Ну нет, я так больше не могу заниматься» – пошел из комнаты.

– Что, ошибку сделал? – спросила бабушка, грозно откладывая в сторону «Науку и жизнь».

– Да, посмотри там... – ответил я, не оборачиваясь. Чтобы не быть зажатым в угол, мне нужно было скорее добраться до дедушкиной комнаты, где в центре стоял большой стол. Бегая вокруг него, я мог держать бабушку на расстоянии.

– «Румяняной»! Сволочь! – слышалось у меня за спиной, но я уже достиг стола и приготовился. Когда бабушка появилась на пороге дедушкиной комнаты, я был как спринтер на старте.

– Бля-я-дю-ю-га-а! – раздалось вместо стартового выстрела.

Бабушка рванулась ко мне. Я от нее. Карусель вокруг стола началась. Мимо меня неслись буфет, сервант, диван, телевизор, дверь, и снова буфет, и снова сервант, а сзади слышалось злое дыхание бабушки и угрозы в мой адрес.

– Иди сюда, сволочь! – грозила она. – Иди, хуже будет. Иди, или я тебя бритвой на куски порежу... Иди сюда, не будь трусом. Стой, я тебе ничего не сделаю. Стой. Иди сюда, Сашуня, я тебе дам шоколадку. Знаешь какую? Вот такую...

Какую именно, я не видел, потому что бежал не оборачиваясь.

– Иди сюда, я тебе куплю вагончиков к железной дороге, а не пойдешь, куплю и разломаю на твоей голове. Иди сюда.

Внезапно бабушка остановилась. Я остановился напротив. Нас разделял стол.

– Иди сюда по-хорошему.

Я замотал головой.

– Иди сюда, я посмотрю, не вспотел ли ты.

– Не пойду.

Бабушка сделала ко мне шаг вдоль стола. Я сделал шаг от нее.

Вдруг лицо бабушки стало хитрым. Она навалилась на стол, и я, не успев ничего предпринять, оказался прижатым к балконной двери. Спасения не было. Я заверещал, как пойманный в капкан песец. Бабушка схватила меня и торжествующе поволокла назад к парте.

– Румяняняной зарей... – приговаривала она. – Чтоб ты уже никакой зари не увидел!

Бабушка села за парту, взяла бритву и протянула:

– Га-ад. Так издеваться! Так кровь из человека пить! Матери твоей сколько талдычила: «Учись, будь независимой», сколько тебе талдычу – все впустую... Такой же будешь, как она. Таким же дерьмом зависимым. Ты будешь учиться, ненавистный подлец, ты будешь учиться, будешь учиться?!!! – закричала вдруг бабушка во весь голос и, отбросив в сторону бритву, схватила ножницы, которыми я вырезал заданную на уроке труда аппликацию.

– Ты будешь заниматься?! – кричала бабушка, втыкая на каждое слово ножницы в парту. – Заниматься будешь?! Учиться будешь?!!!

Ножницы оставляли на парте глубокие рваные выемки.

– Учиться, будешь?! Заниматься будешь?!

Я дрожал, стоя возле бабушки, и не смел не только убежать, но даже отвести от нее взгляд.

– Будешь заниматься?! Будешь учиться?! А-а!.. А-ах... а-агх-аха-ха!.. А-а! – зарыдала вдруг бабушка и, выронив ножницы, схватилась руками за лицо.

– А-ах... а-а-а! – кричала она и, продолжая кричать, начала корябать лицо ногтями.

Показалась кровь. Я словно прирос к полу и не знал, что делать. Меня охватил ужас. Я думал, что бабушка сошла с ума.

– Ах-ах-а-аа! – корябала лицо бабушка. – А-ах! – вскрикнула она как-то особенно пронзительно, ударилась головой о парту и начала сползать со стула.

– Бабонька, что с тобой?! – закричал я.

– Ах... – тихо и невнятно простонала бабушка.

– Баба, что ты... Что с тобой?! Чем тебе помочь?

– Уйди... мальчик... – с трудом проговорила бабушка, делая ударение на последнем слове.

– Баба, что делать? Тебе нужно какое-нибудь лекарство... Баба!

– Уйди, мальчик, я не знаю тебя... Я не бабушка, у меня нет внука.

– Баба, да это же я! Я, Саша!

– Мальчик, я... не знаю тебя, – приподнимаясь на локте и всматриваясь в мое лицо, сказала бабушка. Потом, убедившись, видимо, что я действительно незнаком ей, она снова откинулась назад, запрокинула голову и захрипела.

– Баба, что делать?! Вызвать врача?

– Не надо врача... мальчик... Вызывай его себе...

Я склонился над бабушкой. Она посмотрела вверх словно сквозь меня и сказала:

– Белый потолок... Белый, белый...

– Баба! Бабонька! Ты что, совсем меня не видишь? Очнись! Что с тобой?!!!

– Довел до ручки, вот со мной что! – ответила бабушка и вдруг неожиданно легко встала. – Учишься из-под палки, изводишь до смерти. Ничего, тебе мои слезы боком вылезут. «Румяняной...» – передразнила она. – Болван.

Исправив бритвой ошибку, бабушка стянула резинкой растрепавшиеся волосы и пошла смывать с царапин на лице кровь. Я, ничего не соображая, сел за парту.

– Господи! – услышался вдруг из ванной плач. – Ведь есть же на свете дети! В музыкальных школах учатся, спортом занимаются, не гниют, как эта падаль. Зачем ты, Господи, на шею мою крестягу такую тяжкую повесил?! За какие грехи? За Алешеньку? Был золото мальчик, была бы опора на старости! Так не моя в том вина... Нет, моя! Сука я! Не надо было предателя слушать! Не надо было уезжать! И курву эту рожать нельзя было! Прости, Господи! Прости, грешную! Прости, но дай мне силы крестягу эту тащить! Дай мне силы или пошли мне смерть! Матерь Божья, заступница, дай мне силы влачить этот тяжкий крест или пошли мне смерть! Ну что мне с этой сволочью делать?! Как выдержать?! Как на себя руки не наложить?!

Я молчал. Мне еще надо было делать математику за три дня.

Лосося?

Этот рассказ я начну с описания нашей квартиры. Комнат у нас было две. Сразу у прихожей за двустворчатыми стеклянными дверями располагалась комната дедушки. Дедушка спал там на раскладном диване, который никогда не

раскладывал, потому что внутри была спрятана какая-то старая, переложенная от моли пучками зверобоя одежда и материя. Моль зверобоя боялась и в диван не лезла, но вместо нее там жили мелкие коричневые жучки, боявшиеся только крепкого дедушкиного пальца и сопровождавшие свою смерть оглушительной вонью. Кроме дивана с жучками в комнате стояли стол, сервант, огромный буфет, который бабушка называла саркофагом, телевизор и два табурета. Верх буфета был сплошь заставлен дедушкиными сувенирами. Дедушка был артистом, много ездил по разным городам с концертами и из каждого города привозил какого-нибудь деревянного медведя с бочонком, бронзовую Родину-мать с мечом, обелиск «Никто не забыт, ничто не забыто» или костяной значок «390 лет Tobольску». За каждый сувенир дедушка осыпался проклятиями.

– Надо же столько барахла в дом натащить! – ругалась бабушка по поводу разрисованной тарелки «Гульбіща з турам» и вырезанного из небольшого пня Ильи Муромца. – Хоронить будут, в гроб все не поместится!

– Ну что делать, Нин, дарят... – отвечал дедушка, пристраивая Илью Муромца между жестяным танком от Таманской дивизии и бронзовым бюстом задумавшегося Максима Горького.

– Дарят, а ты не бери!

– Неудобно.

– Значит, возьми и оставь в гостинице. Проводникам в поезде оставь.

– Ну как «оставь», подарили ведь... – робко настаивал дедушка, с любовью прислоняя «Гульбіща з турам» к музыкальной сигаретнице, изображавшей трехтомник Ленина. «Гульбіща» прислонились плохо, покатались и, сбросив на пол мальчика-молдаванчика в высокой шапке, разлетелись вдребезги.

– Вот хорошо, одним куском дерьма меньше! – обрадовалась бабушка. – Я бы все переколотила, да еще об твою голову!

– И не склеишь уже... – бормотал дедушка, собирая осколки.

Если верх буфета был заставлен дедушкиными сувенирами, чем были забиты его ящички, не знал толком никто. Я пару раз открывал их, видел какие-то пластинки, мотки шерсти, пыльные бутылки вина, посуду. Вещи эти никогда не вынимались и полностью оправдывали присвоенную буфету кличку – саркофаг. Слушать пластинки было не на чем, вязанием бабушка не занималась, а чтобы пить вино и пользоваться посудой, нужны были гости, которые к нам никогда не ходили.

Открывать буфет и трогать лежавшие в нем предметы, среди которых попадались занятные безделушки вроде деревянного автомобиля «Победа» с часами на месте запасного колеса, бабушка запрещала. Она говорила, что все это чужое. Какие-то люди, по ее словам, куда-то уехали и оставили эти вещи ей на хранение. Чужой оказалась даже коробочка леденцов – бабушка сказала, что ее оставил на хранение один генерал. Коробочку я все же тиснул, но, внимательно рассмотрев ее, прочел: «Ф-ка им. Бабаева». Решив, что Бабаев – это фамилия генерала, а Фкаим – его странное имя, я тут же положил леденцы на место. С человеком по имени Фкаим лучше было не связываться.

Вторую комнату мы называли спальней. Там стояли два огромных шкафа, набитых, как и буфет, неизвестно чем, мутное зеркальное трюмо с тумбочками по бокам и огромная двуспальная кровать, на которой спали мы с бабушкой. С бабушкиной стороны стояла еще одна тумбочка, где хранились мои анализы, а с моей, чтобы я не упал ночью, были подставлены спинками к кровати три стула. На сиденьях их лежали обычно мои вещи – шерстяные безрукавки, фланелевые рубашки, колготки. Колготки я ненавидал. Бабушка не разрешала снимать их даже на ночь, и я все время чувствовал, как они меня стягивают. Если по какой-то случайности я оказывался в постели без них, ноги словно погружались в приятную прохладу, я болтал ими под одеялом и представлял, что плаваю.

Как выглядела наша кухня, можно было представить, когда я рассказывал про поставленный на видное место чайник. Могу только добавить, что из «видных мест» состояла в общем-то вся квартира. Повсюду были нагромождены какие-то предметы, назначения которых никто не знал, коробки, которые неведомо кто принес, и пакеты, в которых неизвестно что лежало. Кухонный стол сплошь был уставлен лекарствами и какими-то баночками. Если мы с дедушкой обедали вместе, баночкам приходилось потесниться, и некоторые из них, не выдержав нашего соседства, валялись с другого конца стола на пол. На шкафах лежали выложенные в ряд дозревать яблоки, бананы или хурма – в зависимости от сезона. Иногда хурма дозревала слишком, и над ней начинали виться крошечные мошки. Они же вились всегда над стоявшими на мойке коробочками с сырными

корками и прочими мелкими отходами, приготовленными бабушкой для подкармливания птиц. Пол в коридоре бабушка застилала газетами, меняя их по мере ветшания. Она боялась инфекции, обдавала кипятком ложки и тарелки, но говорила, что на уборку у нее нет сил.

Самыми интересными деталями нашего интерьера были два холодильника. В одном хранилась еда и консервы, которые брал на рыбалку старый гицель, другой битком был набит шоколадными конфетами и консервами для врачей. Хорошие конфеты и икру бабушка дарила гомеопатам и профессорам; конфеты похуже и консервы вроде лосося – лечащим врачам поликлиник; шоколадки и шпроты – дежурным врачам и лаборанткам, бравшим у меня кровь на анализ.

День, который я опишу в этом рассказе, начался с того, что бабушка, выбирая из одного холодильника лучшие конфеты для гомеопата, ругала дедушку, выбиравшего из другого холодильника худшие консервы для предстоявшей рыбалки. Дедушка всегда брал на рыбалку консервы похуже, потому что получше могли еще полежать, а похуже лежали уже давно и вот-вот могли испортиться.

– С дочерью я маялась – ты таскался, внук поддыхает – ты таскаешься. Предателем был, предателем остался, – говорила бабушка, перебирая коробки конфет, многие из которых покоробились от долгого лежания и годились теперь только лечащим врачам. – И машина у тебя желтая. Желтый цвет – цвет предательства, какую ж ты еще мог выбрать, иуда тульский? Неделю назад сказала, что сегодня ехать к гомеопату, но как же! Тебе твои интересы превыше всего! Ничего, возмездие за все есть. Бог даст, это будет последняя твоя рыбалка. Может, отравишься консервами своими, они, поди, еще с Первой мировой войны заготовлены.

– Нин, ну я обещал Леше, – не то чтобы виновато, но как бы сомневаясь в своей правоте, сказал дедушка и, помолчав секунду, уточнил: – Еще месяц назад.

В дверь позвонили.

– Открой, Нина, это Леша!

Протерев рукавом густо заштопанного на локтях халата выбранную для гомеопата коробку конфет, бабушка пошла открывать.

– Сейчас так пошлю этого Лешу, что дорогу забудет... – приговаривала она, возясь с замком. Он барахлил и часто заскакивал.

– Здравствуйте, Нина Антоновна. Можно? – спросил Леша, пенсионер, с которым дедушка подружился, когда тот еще работал портным в ателье на первом этаже нашего дома.

– Нельзя! Видеть вас, садистов, в доме своем не хочу! Рыбаки... Палачи вы! Страсть к убийству покоя не дает, не знаете, как утолить. Человека убить боитесь, так хоть рыбину изничтожить. Такие же трусы, как вы, придумали эту рыбалку.

– А сама-то рыбку кушаешь! – поддел бабушку дед, подмигнув вошедшему Леше. В его присутствии он всегда становился смелее.

– Подавись ты своей рыбой! Я даю ее ребенку, а сама ем только потому, что у меня больная печень, мне нельзя мяса. Ты о моем здоровье никогда не думал. Если бы хоть часть времени, что ты уделяешь своей машине и своей рыбалке, ты уделял мне, я была бы Ширли Маклейн!

Леша, привычный к такого рода сценам, молча присел на дедушкин диван и оперся подбородком на сложенный спиннинг.

– Десять лет назад просила зубы мне сделать. Сделал? Один раз на рентген отвез. На, посмотри, что теперь! – Бабушка показала дедушке зубы, торчавшие в разные стороны редкими полусгнившими пеньками. – Как в машине что зашатается, поди, сразу колупать ее едешь! Чтоб ты разбился на машине своей!

– Пошли, Леш, – сказал дедушка, подхватывая с пола удочки и рюкзак.

Бабушка стояла рядом, и, надевая рюкзак на плечо, он задел ее.

– Толкай, толкай! – заголосила бабушка и пошла следом за дедушкой до самого лифта. – Судьба тебя толкнет так, что не опомнишься! Кровью за мои слезы ответишь! Всю жизнь я одна! Все радости тебе, а я давись заботами! Будь ты проклят, предатель ненавистный!

Захлопнув за дедушкой дверь, бабушка вытерла выступившие слезы и сказала:

– Ничего, Сашенька, на метро доедем. Пусть он подавится помощью своей, все равно никогда не дождешься.

– А зачем нам гомеопат? – спросил я.

– Чтоб не сдохнуть! Не задавай идиотских вопросов.

В дверь опять позвонили.

– Забыл что-нибудь, поц старый... – пробормотала бабушка. – Сейчас так пошлю... Кто там?

– Я, Нина Антоновна, – слышался из-за двери голос медсестры Тони.

Похожая в своем белом халате на бабочку-капустницу, Тоня приходила каждую неделю и брала у меня на анализ кровь из пальца. Потом эти анализы бабушка показывала специалистам, чтобы установить какую-то «динамику». Динамики не было, и Тоня приходила уже не первый месяц.

– Тонечка, солнышко, здравствуйте! – заулыбалась бабушка, быстро спрятав конфеты для гомеопата под газету и только после этого открыв дверь. – Ждем вас, как света в окошке. Заходите.

Раскрыв на столе специальную сумку, Тоня достала пробирки и обмахнула мне палец наспиртованной ватой.

– Что это вы, Нина Антоновна, вроде плакали? – спросила она, продувая стеклянную трубочку.

– Ах, Тонечка, как не плакать от такой жизни! – пожаловалась бабушка. – Ненавижу я эту Москву! Сорок лет ничего здесь, кроме горя и слез, не вижу. Жила в Киеве, была в любой компании заводилой, запевалой. Как я Шевченко читала!

Душе моя убогая, чого марно плачешь?

Чого тобі шкода? Хиба ти не бачишь,

Хиба ти не чуєш людського плачу?

То глянь, подивися. А я полечу.

Хотела актрисой быть, отец запретил, стала работать в прокуратуре. Так тут этот появился – артист из МХАТа, с гастролями в Киев приехал. Сказал – женится, в Москву увезет. Я и размечталась, дура двадцатилетняя! Думала, людей увижу, МХАТ, буду общаться... Как же!

Тоня уколола мне палец и стала набирать кровь в капиллярную трубочку. Бабушка, вытирая слезы, продолжала:

– Впер меня в девятиметровую комнату, и сразу ребенок... Алешенька, чудо мальчик был! Разговаривал в год уже! Больше жизни его любила. Так война началась, этот предатель заставил меня в эвакуацию отправляться. На коленях молила, чтоб в Москве оставил! Отправил в Алма-Ату, там Алешенька от дифтерита и умер. Потом Оля родилась, болела все время. То коклюш, то свинка, то желтуха инфекционная. Я с ног сбивалась – выхаживала, а он только по гастролям разъезжал и ходил к соседям Розальским шашки двигать. И так все сорок лет. Теперь вместо гастролей по концертам ездит, на рыбалку и общественной работой занимается – сенатор выискался. А я, как всегда, одна с больным ребенком. А ему что, Нинка выдержит! Ломовая лошадь! А не выдержит, так он себе молоденькую найдет. За квартиру да за машину любая пойдет, не посмотрит, что говно семидесятилетнее в кальсонах штопаных.

Тоня раскапала мою кровь по пробиркам и, прижав к моему пальцу вату с йодом, стала собираться.

– Спасибо, Тонечка, простите, что расплакалась перед вами, – сказала бабушка. – Но когда всю жизнь одна, хочется с кем-нибудь поделиться. Пойдите секундочку, я вам хочу приятное сделать, вы столько нас выручаете. – С этими словами бабушка открыла заветный холодильник и достала из него банку консервов. – Возьмите, солнышко, шпротов баночку. Я понимаю, это мелочь, но мне так хочется вас отблагодарить, а ничего другого у меня просто нету.

Бабушкина забывчивость меня удивила. Я прекрасно знал содержимое холодильника и решил напомнить, чем еще можно отблагодарить Тонечку.

– Как нету?! – крикнул я, настежь открывая холодильную дверцу. – А лосося?! Вон икры еще сколько!

– Идиот, это позапрошлогодние банки! – оборвала меня бабушка. – Что я, по-твоему, могу дать Тонечке несвежее?!

– До свидания, Нина Антоновна! Саша, до свидания... – заторопилась Тоня и, отяготив карман халата жестяным диском шпротов, покинула квартиру.

– Нет, я думала, большего болвана, чем твой дедушка, в природе не существует, но ты и его перещеголял, – сказала бабушка, закрыв за Тоней дверь. – Кто тебя потянул за одно место? Лосося... Сейчас такого лосося дам, что забудешь, кто ты есть! Это лосось для Галины Сергевны, а икра профессору. Одевайся, кретин, пора к гомеопату ехать. Пока на метро доберемся, он нас и ждать перестанет. Чтоб эта машина развалилась под твоим дедушкой, как жизнь развалилась моя. Одевайся...

Дедушка с Лешей сидели на берегу водохранилища и ловили рыбу. Леша следил за колокольчиком заброшенного далеко в воду спиннинга и вполуха слушал сидевшего около него с удочкой дедушку.

– Тяжело, Леш, сил больше нет, – жаловался дедушка, поглядывая на тонкий гусиный поплавок. – Раза три уже думал в гараже запереться. Пустить мотор, и ну его всё... Только и удерживало, что оставить ее не на кого. Она меня клянёт, что я по концертам езжу, на рыбалку, а мне деваться некуда. В комиссию бытовую вперся, в профсоюз – только бы из дома уходить. Завтра вот путевки распределять буду – уже хорошо, пройдет день. На концерты эти и не ходит никто, а я езжу. То в Ростов, то в Могилев, то в Новый Оскол. Думаешь, большая радость? Но хоть гостиница, покой, прием иногда хороший устроят. А дома несколько дней проведу, чувствую – сердце останавливается. Заедает насмерть. То Дездемона, то Анна Каренина. «Зачем ты меня увез из Киева, зачем ты меня отправил в эвакуацию, зачем ты меня положил в психушку?..»

– В психушку?

– Она ж больная психически, Леш. Тридцать лет назад у нее мания преследования была. Рассказала на кухне какой-то анекдот про царя, а через

несколько дней пришли топтуны, забрали из соседней квартиры Федьку Зильбермана, врача, и о ней спросили: «Кто такая, почему такая молодая, нигде не работает?» Объяснили: мол, с ребенком сидит. А с ней паника: «Меня посадят, меня заберут...» Побежала к Верке, соседке, а та подбросила: «Конечно, посадят! Этого за анекдот взяли, того посадили!» Что с ней творилось, Леш! Шубу новую я из Югославии ей привез – в клочки изрезала. Духов флакон «Шанели» – разбила. Говорит, придут с обыском, найдут, скажут – связь с границей. В троллейбусе кто-то взглянет – она выбегает, ловит такси. Дочь под одеяло прятала, шептала: «Доченька, меня посадят, будь умницей, слушайся папу». Мне посоветовали ее в больницу положить, я положил. Так ее до волдырей искололи, еще хуже стало. С тех пор никакого житья. Мне советуют ее сейчас в клинику положить хотя бы на месяц. Все-таки время другое, можно и с врачами договориться, и навещать. Но не могу я! Она меня за тот раз тридцать лет клянет, предателем называет – как я ее опять положу? Да и Сашей кто заниматься будет? Болеет парень все время, благодаря ей только и тянет.

– А мать что же?

– Мать! Прокляла ее бабка, и правильно! Он жил с ней до четырех лет. Бабка к ним на квартиру почти каждый день ходила, помогала. Пеленки стирала, готовила. Весь дом на ней был. Потом Оля с мужем развелась, Саше тогда три года было, я стал предлагать: «Оль, иди к нам с ребенком. Бабка в Саше души не чает, будем жить все вместе. Квартиру твою сдадим, всем легче будет». «Нет, – говорит, – не хочу быть от вас зависимой, не могу жить с матерью». Я нажимаю, говорю: «Больной парень у тебя – тяжело будет. Переезжай к нам». Согласилась было, и тут карлик этот на нашу голову свалился...

– Карлик?

– Ну, не карлик, но вот такого роста, Леш! – Дедушка поднял руку на метр от земли. – Художник, черт бы его побрал! Нищий, пьющий – и знаешь откуда? Из Сочи!

– Любовь зла, – засмеялся Леша.

– Меня чуть второй инфаркт не хватил! Говорит, он талантливый, но это же душой надо быть, чтобы не понимать, что ему прописка московская нужна! Что, в Москве талантливых алкоголиков мало? Но веришь, Леш, все бы простил – пусть

карлик, пусть пьет, пусть прописку хочет. Расхлебывай сама, если дура! Но что ребенка из-за него предала – ни ему никогда не прощу, ни ей. Повезла Сашу в Сочи знакомить с ним, привезла назад с воспалением легких, бросила на нас и в тот же день опять туда уехала. Карлик там не то тоже заболел, не то запил.

– Да-а... – осуждающе протянул Леша, подматывая катушку спиннинга.

– Мы с бабкой и решили после этого Сашу не отдавать. Нельзя такой матери ребенка иметь! Она вернулась, мы ей так и сказали. А она, сволочь, что сделала – дождалась, когда он поправился, подкараулила его во дворе и увела. Он дурачок, пошел, конечно, мама все-таки, не понимает, что даром этой маме не нужен. Бабка по двору бегала, криком кричала. Такой ужас был... Лифтерши сказали, она его в цирк повела. Я на машину и туда с бабкой. И как раз они в антракте выходят. Он задыхается, лицо распухло, слезы из глаз. У него же аллергия, а в цирке животные. Бабка увидела, чуть в обморок не упала. Я его в машину посадил и увез. Пятый год с тех пор с нами живет. А эта с карликом. Он два года назад к ней переехал.

Леша присвистнул.

– А ребенка так и забыла?

– Плакала сначала, просила отдать. Карлик этот тоже вмешивался. Письмо мне написал! «Вы не имеете права... Вы заставляете ребенка предавать свою мать...» Он мне права указывать будет, алкаш чертов! Потом как-то утряслось все. Сейчас она приходит иногда, каждый раз скандалит с бабкой, доводит ее до истерики. Говорит, мы у нее ребенка украли. Дура! Он загнулся бы у нее. Им заниматься надо с утра до ночи, врачам его показывать, а у нее в голове только хер этот да его художества. Всю квартиру «творчеством» своим загромоздил, а квартира, между прочим, мной построена – и для дочери, а не ему под мастерскую. И знаешь, какую наглость имел! Сашу перед школой хотели отдыхать отправить, так он предложил: «У меня дом в Сочи свободен, можете туда на лето поехать». Сам влез в мою квартиру и говорит, что его дом свободен! Ну где это видано?!

– А что? – удивился Леша дедушкиному негодованию, отрезая себе хлеб для бутерброда. – Взяли бы да поехали.

– В Сочи?! У Саши после той поездки еще два воспаления легких было. Если только смерти ему желать... Ты горбушки не ешь? Дай, я бабке возьму, а то ей мякиш вредно... Спасибо. Я ему тогда в Железноводск путевку взял. С бабкой они ездили – она во взрослый санаторий, он в детский. Врачи, процедуры, диета. Целый месяц отдыхал, лечился. Приехал и сразу заболел опять. Постоянно болеет парень. Был бы здоровый, может, и жил бы с матерью, нам хлопот меньше, а так куда его? Загнется без нас. Сегодня вот опять они к гомеопату поехали...

– Здравствуйте, здравствуйте! – приветствовал нас с бабушкой престарелый гомеопат.

– Простите за бога за-ради – опоздали. – извинялась бабушка, переступая порог. – Дед на машине не повез, пришлось на метро добираться.

– Ничего, ничего, – охотно извинил гомеопат и, наклонившись ко мне, спросил: – Ты, значит, и есть Саша?

– Я и есть.

– Чего ж ты, Саш, худой такой?

Когда мне говорили про худобу, я всегда обижался, но сдерживался и терпел. Стерпел бы я и в этот раз, но когда мы с бабушкой выходили из дома, одна из лифтерш сказала другой вполголоса: «Вот мается, бедная. Опять чахотика этого к врачу повела...»

Вся моя сдержанность ушла на то, чтобы не ответить на «чахотика» какой-нибудь из бабушкиных комбинаций, и на гомеопата ее уже не хватило.

– А чего у вас такие большие уши? – с обидой спросил я, указывая пальцем на уши гомеопата, которые действительно делали его похожим на пожилого Чебурашку.

Гомеопат поперхнулся.

– Не обращайтесь внимания, Арон Моисеевич! – заволновалась бабушка. – Он больной на голову. А ну быстро извинись!

– Раз больной, извиняться нечего, – засмеялся гомеопат. – Извиняться будет, когда вылечим. Пойдемте в кабинет.

Стены кабинета были увешаны старинными часами, и, желая показать свое восхищение, я почтительно сказал:

– Да-а... У вас есть что пограбить.

Тут я увидел в смежной комнате множество икон и восторженно воскликнул:

– Ого! Да там еще больше!

– Идиот, что поделывать, – успокоила бабушка снова поперхнувшегося гомеопата.

– Хорошо ты меня подставил, – говорила она, когда мы вышли на улицу. – Он уж уверен теперь, что мы вора воспитываем. Лосося... Пограбить... Вот непосредственность идиотическая! Пограбить-то, конечно, есть что. Пятьдесят рублей за прием. Жулик! Но надо думать, прежде чем рот открывать.

Бабушка часто объясняла мне, что и когда надо говорить. Учила, что слово серебро, а молчание золото; что есть святая ложь и лучше иногда соврать; что надо быть всегда любезным, даже если не хочется. Правилу святой лжи бабушка следовала неукоснительно. Если опаздывала, говорила, что села не в тот автобус или попалась контролеру; если спрашивали, куда уехал с концертами дедушка, отвечала, что он не на концерте, а на рыбалке, чтобы знакомые не подумали, будто он много зарабатывает и, позавидовав, не сглазили. Любезной бабушка была всегда.

– Всего доброго, Зинаида Васильевна, – улыбалась она на прощание знакомой. – Здоровья вам побольше. Главное – здоровье, остальное приложится. Ванечке привет. На каком он курсе?

– На втором, – расплывалась Зинаида Васильевна.

– Умница мальчик, будет толк из него. Ему тоже здоровья, пусть сдает на одни пятерки.

– Оттяпала, сволочь, трехкомнатную в кооперативе, чтоб у нее все прахом пошло, – говорила бабушка, когда мы отходили подальше. – И внука своего, идиота, в МИМО вперла. У таких, как она, все схвачено. Не то что дедушка твой – поц. Десять лет в бытовой комиссии, за все время только путевку в Железноводск взял. Неудобно ему, видите ли...

Следуя правилам святой лжи и обязательной любезности, бабушка забывала, что слово серебро, а молчание золото, и временами выдавала «лососю» не хуже меня. Выходя от гомеопата и слушая упреки по поводу своей непосредственности, я вспоминал, как несколько дней назад мы ходили в поликлинику делать укол кокарбоксилазы. Перед выходом, прошу прощения за деликатную подробность, бабушка поставила мне свечку. Зачем она мне их ставила, не знаю. Надеюсь, не затем, чтобы по жирным пятнам определять, на какой стул сколько раз я садился. Свечки эти имели ужасную особенность, которой случилось проявиться в коридоре перед кабинетом, где в ожидании своей очереди сидели человек восемь.

«Пу-у-у-у...» – слышалось вдруг из меня, и все заулыбались. Я испуганно сжался. «Пу-у» изменило тембр и, продолжая менять его, тянулось долго и протяжно. Вокруг засмеялись.

– Что смеетесь, идиоты?! – крикнула бабушка. – У ребенка свечка в попе! Выходит – и такой звук. Ничего смешного!

У сидевших перед кабинетом оказалось другое мнение, и некоторые стали сползать от хохота со стульев. Что говорить, в непосредственности бабушка мне не уступала!

Думая, сказать об этом или нет, я шел с ней по набережной к метро и смотрел на другой берег Москвы-реки, где виднелись аттракционы Парка Горького. Попасть в парк я мечтал уже давно, но об этом в следующем рассказе...

Парк культуры

Моя бабушка считала себя очень культурным человеком и часто мне об этом говорила. При этом, был ли я в обуви или нет, она называла меня босяком и делала величественное лицо. Я верил бабушке, но не мог понять, отчего, если она такой культурный человек, мы с ней ни разу не ходили в Парк культуры. Ведь там, думал я, наверняка куча культурных людей. Бабушка пообщается с ними, расскажет им про стафилококк, а я на аттракционах покатаюсь.

Покататься на аттракционах было моей давней мечтой. Сколько раз видел я по телевизору, как улыбающийся народ несется на разноцветных сиденьях по кругу огромной карусели! Сколько раз завидовал пассажирам, которых под вопли и уханья мчали вверх и вниз по ажурным переплетениям вагончики американских горок! Сколько смотрел, как, искря, сталкиваются и разъезжаются на прямоугольной площадке маленькие электрические автомобили с длинной, похожей на антенну штуковиной!

Я размышлял, кто куда полетит, если оборвутся цепочки карусели, что будет, если вагончик американских горок сойдет с рельсов, и как сильно может ударить током от искрящих автомобильчиков, но, несмотря на такие мысли, страстно желал на всем этом покататься и упрашивал бабушку сводить меня в Парк культуры. Бабушка же, напротив, вовсе не хотела туда идти, и лишь однажды, когда мы возвращались от гомеопата, мне удалось ее туда затащить.

- Бабонька, пойдем погуляем чуть-чуть в парке! Я там никогда не был! -
упрашивал я бабушку, набравшись неведомо откуда наглости.

- И не надо. Туда одни алкоголики ходят распивать.

- Нет, не одни... Пожалуйста, баба! Пойдем. На полчаса!

- Нечего там делать.

- Хоть на десять минут! Только посмотреть, как там!

- Ну ладно...

Как же я радовался, когда бабушка согласилась! Я уже видел себя за рулем автомобильчика, предвкушал, как под веселую музыку буду получать острые ощущения на какой-нибудь человекокрутящей машине, и, стоило нам миновать ворота парка, тут же потянул бабушку вперед, ожидая увидеть аттракционы. Аттракционов не было. Я рассчитывал, что парк будет битком набит украшенными цветными лампочками каруселями и американскими горками, но вокруг были только фонтаны и красивые, посыпанные красным песком дорожки.

– И правда хорошо, – сказала бабушка, вальяжно шагая по аллее. – Молодец, вытащил бабку. Не все же ей дома в бардаке сидеть.

Подобное расположение было со стороны бабушки большой редкостью, и в такие моменты я всегда наслаждался покоем. Наслаждался бы и теперь, но аттракционы не выходили из головы. Я оглядывался по сторонам и с ужасом думал, что завел бабушку в какой-то не тот парк, а тот, который был нужен, остался в стороне и теперь мы никогда не попадем в него, потому что уговорить бабушку второй раз конечно же не получится. В отчаянии я поднял взгляд высоко вверх и увидел то, чего по непонятной причине не увидел сразу, – огромное колесо, похожее на велосипедное, висело из-за деревьев. Оно медленно вращалось, и расположенные по его ободу кабинки совершали круг, поднимая желающих высоко вверх и опуская их вниз. В сторону колеса указывала прибитая к дереву фанерная стрелка, на которой было написано «Большое колесо обозрения». Само собой, я сразу захотел все кругом обозреть и, хотя кабинки, поднимавшиеся, казалось, до самых облаков, выглядели страшновато, сказал бабушке:

– Пойдем на это скорее, пойдем! Это колесо обозрения. Оттуда все видно.

Бабушка с опаской посмотрела вверх и твердо сказала:

– Идиот, там вниз головой. Туда нужна справка от врача, а тебе с твоим повышенным внутричерепным давлением никто ее не даст. Понял?

И мы пошли дальше.

В парке было очень красиво, но красотой этой наслаждалась только бабушка, я же ничего не видел, кроме американских горок, показавшихся впереди. Веселое улюлюканье катающихся и грохот вагончиков на виражах оглушили нас, когда

мы подошли ближе, но прежде чем сказать бабушке, что я очень хочу на этих горках покататься, я внимательно посмотрел, нет ли там какого-нибудь хитрого поворота, который проезжают вниз головой. Поворота такого не оказалось. Справок от врача на контроле тоже не предъявляли, поэтому с мыслью: «Эх, прокачусь!» – я смело сказал бабушке:

– Давай на этом!

– Еще чего! – отрезала бабушка.

– Но ведь здесь же не вниз головой.

– Зато отсюда вперед ногами!

Очкастый мужчина с козлиной бородкой, стоявший перед нами, обернулся и задорно, чуть ли не заигрывая с бабушкой, сказал:

– Да ты что, мать, не бойся! Сажай внука, сама садись и езжай. Сколько людей каталось, никого еще вперед ногами ни-ни!

– Так чтоб вас первого. Пошли, Саша.

Мужчина опешил. Веселость слетела с него, как сорванный ветром лист, а когда мы отошли, я обернулся, и мне показалось, что он продавал билет.

Следующим аттракционом, о котором я подумал: «Эх, прокачусь!», были автомобильчики. О них я мечтал больше всего! И хотя «вниз головой» там можно было только при очень большом желании, а других противопоказаний я, как ни искал, все равно не нашел, прокатиться мне не удалось.

– Идиот, – сказала бабушка. – Они сталкиваются так, что люди себе все отбивают. Видишь, бабка орет? Ей отбили почки.

«Бедная», – подумал я.

Попасть на цепную карусель мне не удалось тоже. По мнению бабушки, я мог выскользнуть из-под ремней и улететь к какой-то матери. К какой, я не понял, но

не к своей – это точно.

Печальный, шел я с бабушкой по дорожкам парка. Мы зашли в глушь. Атракционов там не было, были разные застекленные «Незабудки», «Сюрпризы», «Гуцулочки» и тому подобные сооружения с красивыми названиями. Возле них распивали алкоголики.

– Так ни на чем и не прокатились... – грустно подытожил я. – Я так хотел... И ни разу... Ни на чем... Зачем же мы шли сюда, баба?

– А я тебе говорила, что незачем! Но ты же ишак упрямый, заладил – «па-арк, па-арк». Ну посмотри вокруг. Кто сюда ходит?

– Граждане посетители, – монотонно забубнил из репродуктора гнусавый голос, – приглашаем вас совершить лодочную прогулку. Стоимость проката лодки тридцать копеек в час.

В душе моей зажглась искра надежды.

– Баба, давай!

– Потонем к черту, пошли отсюда.

На этот раз я даже не успел подумать: «Эх, прокачусь!»

«Все! Вот я в парке, столько мечтал об этом, столько ждал этого и вот... „прокатился“ и на том, и на этом», – отчаявшись, думал я.

– Хочешь мороженое? – вывел меня из печальной задумчивости голос бабушки.

– Да!

Я развеселился. Мороженое я никогда не ел. Бабушка часто покупала себе эскимо или «Лакомку», но запрещала мне даже лизнуть и позволяла только попробовать ломкую шоколадку глазури при условии, что я сразу запью ее горячим чаем. Неужели я сейчас, как все, сяду на скамейку, закину ногу на ногу и съем целое мороженое? Не может быть! Я съем его, вытру губы и брошу

бумажку в урну. Как здорово!

Бабушка купила два эскимо. Я уже протянул было руку, но она положила одно из них в сумку, а другое развернула и надкусила.

– Я тебе дома с чаем дам, а то опять месяц прогниешь, – сказала она, села на скамейку, закинула ногу на ногу, съела эскимо, вытерла губы и бросила бумажку в урну.

– Здорово! – одобрила она съеденное мороженое. – Пошли.

– Пошли, – сказал я и поплелся следом. – А ты точно дашь мне дома мороженое?

– А зачем я тогда тащу его в сумке? – ответила бабушка так, словно в сумке у нее было не мороженое, а пара кирпичей. – Конечно, дам!

«Ну тогда еще ничего...» – подумал я про свою жизнь, а когда увидел зал игровых автоматов, услышал оттуда «пики-пики-трах» и узнал, что бабушка согласна зайти и дать мне пятнашек поиграть, решил, что жизнь эта вновь прекрасна.

Я радостно взбежал по ступенькам в зал и тут же, споткнувшись об верхнюю, растянулся на полу, боднув головой «Подводную охоту».

– Вот ведь калека! – услышал я сзади голос бабушки. – Ноги не оттуда выросли, – добавила она и, споткнувшись об ту же ступеньку, обняла, чтобы не упасть, «Морской бой».

– Поставили кривой порог, сволочи, чтоб им всю жизнь спотыкаться! Пойдем, Сашенька, отсюда!

– Как? Так уходить из парка? Ни на чем не покатавшись и не сыграв даже? Ну пожалуйста, баба! – взмолился я.

– Ладно, сыграй. Только быстро. Скоро гицель старый вернется с рыбалки, жрать захочет. Давай один раз – и пошли.

Один раз – это было обидно, но лучше, чем ничего. Я взял пятнашку, подошел к автомату «Спасение на море» и стал вникать в написанные на квадратной металлической пластине правила. Правила были просты: пользуясь ручками «вверх-вниз» и «скорость», надо было спасать вертолетом терпящих в море бедствие людей. Кого-то снимать с бревна, кого-то с маяка и так далее. За каждого снятого – очко. Между ручками был счетчик. Я опустил пятнашку и стал играть, а так как по причине своего маленького роста не мог видеть экран, где были вертолет и ожидающие моей помощи люди, то решил, что для усложнения задачи спасать надо наугад, вслепую. То и дело из автомата неслись жуткие завывания и грохот.

– Куда ты на скалы летишь! – кричала бабушка, глядя поверх моей головы. – Этого снимай, со льдины! Ниже бери, кретин!

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Я очень любил это слово, но долго не знал, что оно означает. Потом бабушка объяснила, что гицелями называли на Украине собачников, которые длинными крючьями отлавливали на улицах бродячих собак.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/pavel-sanaev/pohoronite-menya-za-plintusom-kupit>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)